

12+ АЛЕОНИД МАЦУЙ

ПРИЮТ

Леонид Мацу́й

Приют

«Издательские решения»

Мацуй Л.

Приют / Л. Мацуй — «Издательские решения»,

Книга о том, как люди, засыпая в реальности, из-за неизвестных причин попадают в другое измерение, средневековье, где нет места технологиям. Главный герой Никита, попав сюда, начинает свой путь и находит новых друзей, по мере жизни им начинают противостоять коренные жители этого мира — Чёрные. Так их называют за тёмные одежды и пустой взгляд. Герои на протяжении истории защищаются от врагов, но вскоре сами переходят в наступление, чтобы положить конец тирании.

© Мацуй Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	12
Глава V	14
Глава VI	16
Глава VII	18
Глава VIII	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Приют

Леонид Мацуй

Дизайнер обложки Леонид Мацуй

© Леонид Мацуй, 2026

© Леонид Мацуй, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-6375-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Когда я закрывал глаза, я всегда оказывался здесь.

Не сразу — сначала была тьма, потом — шум ветра в кронах, потом — запах влажной земли и дыма. И я открывал глаза и видел это место: огромный лес, который не кончался, и небо — такое же серое, как в моём городе, но живое.

Меня зовут Никита.

Раньше я был тем, кто просыпается в пустой квартире, открывает ноутбук и смотрит на экран, пока не начинает болеть голова. Учёба была — так, никак. Дружья были — в интернете. А в реальной жизни была только тишина, холодные батареи и запах остывшего чая.

Однажды я заснул с мыслью: «Хочу быть там, где можно что-то построить. Где я нужен». И проснулся здесь.

Здесь — это был «Приют». Так я назвал это место про себя. Не потому, что кто-то его так звал, а потому что оно стало моим убежищем. Настоящим. Там, где я мог дышать.

В первый раз я появился в лесу, на поляне, заросшей высокой травой. На мне была грубая рубашка из плотной ткани, штаны из кожи и сапоги, которые не жали. В руках — старый топор с потрескавшейся рукоятью.

Я не знал, как здесь оказался. Но знал, что делать.

Три дня я строил себе дом.

Из брёвен, которые я рубил в лесу. Я вкапывал столбы, укладывал перекладины, обмазывал щели глиной. Крышу я покрыл корой — так, как делают в деревнях. К вечеру третьего дня у меня была изба с земляным полом и очагом из камней.

Я ночевал на лавке, которую вырезал из цельного куска сосны. Спал крепко и просыпался от птиц.

Через неделю я нашёл озеро. В нём водилась рыба — крупная, серебристая. Я сделал удочку из тонкой берёзы и жилы, сплетённой из крапивы. Научился ловить на зорьке.

Через две недели я встретил людей.

Они шли через лес — трое мужчин с рогатинами, в плащах из грубого сукна. Они не напали — посмотрели на меня, на мой дом, на удочку, и один из них, седой, с морщинистым лицом, сказал:

— Ты не из наших мест. Откуда ты?

— Издалека, — ответил я. — Заблудился.

Он усмехнулся, посмотрел на мои руки — мозолистые, грязные.

— Если заблудился, значит, ищешь. Дом у тебя есть — ладно. Но зимой здесь холодно. В одиночку не выживешь. Иди в посёлок. Он в трёх часах ходу на север. Там есть старейшина. Покажи ему, что умеешь — он примет.

Я пошёл.

Посёлок назывался «Край».

Два десятка домов, обнесённых частоколом. В центре — колодец. У колодца — старик с выцветшими глазами, который сидел на обрубке и строгал палку.

— Пришёл? — спросил он, не поднимая головы. — Я тебя ждал.

— Вы меня знаете? — спросил я.

— Духи сказали, — ответил он. — Они всегда говорят, когда приходит кто-то не отсюда. Ты умеешь строить, — сказал он, и это было не вопросом, а утверждением.

— Да.

— Тогда строй. В посёлке нужно новое укрепление. От тварей и лихих людей. Построишь — будешь своим.

Я строил.

Месяц. Я вкопал новые столбы, укрепил частокол, вырыл ров. Люди смотрели на меня с уважением, а старейшина однажды сказал: «Ты наш».

Но самое важное случилось позже.

Я жил уже три месяца в Крае, когда однажды меня позвали к старой шахте на краю леса. Её никто не использовал — говорили, там темно и страшно, и люди боятся, что там живут «глубинные».

Я пошёл туда не за золотом. Я пошёл потому, что мне сказали: «Там есть кто-то, кто не отсюда, как и ты».

Шахта была глубокой. Я спускался с факелом, вдыхая запах сырой земли. Где-то на третьей развилке я услышал голос:

— Ещё один? Осторожно, не наступи на мою миску!

Я обернулся.

В углу, в маленькой нише, сидел парень — моего возраста, в такой же грубой рубахе. У него было лицо, покрытое сажей, и глаза — спокойные, светлые, как у человека, который уже ничего не боится.

— Ты кто? — спросил я.

— Я тот, кто нашёл это место раньше тебя, — усмехнулся он. — Меня зовут Ниндзя. Это кличка из... ну, из другой жизни. А здесь меня зовут просто — Хранитель Шахты.

— Хранитель чего?

— Ничего, — он пожал плечами. — Но надо же как-то называться. Жить здесь одному скучно. Ты будешь меня навещать? Я знаю, где есть хорошая руда. И где водятся лисицы с мягким мехом. И ещё — я умею делать сыр.

Я засмеялся. Это был первый раз, когда я смеялся в Приюте.

— Меня Никита зовут.

— Приятно, Никита. Есть хочешь?

Он протянул мне кусок хлеба с зеленью. Я взял. Мы сидели в темноте, жевали хлеб, и я впервые за долгое время чувствовал, что я не один.

С тех пор я ходил к нему каждый день.

Мы копали руду вместе. Строили в шахте комнаты — просто так, чтобы было красиво. Разговаривали. О чём? О том, как мы попали в это место, о том, что осталось там, «снаружи».

— Я не хочу возвращаться, — сказал я однажды.

— Знаю, — ответил Ниндзя. — Я тоже не хочу.

Мы сидели на краю лесной поляны, смотрели на закат. И я понял, что это и есть тот самый «Приют», который я искал. И в нём есть кто-то, кто тоже ищет дом.

Дом — это не стены. Дом — это когда есть с кем сидеть у костра и не нужно говорить.

Глава II

Первые дни после встречи с Ниндзей я ходил к шахте каждое утро. Сначала просто чтобы убедиться, что он не приснился. Потом — потому что в его компании было легко. Тихо. Без вопросов, без оценок.

Он жил на глубине, где даже днём был сумрак. У него были самодельные светильники — плоски с жиром, в которые он ставил фитиль из скрученной травы. Они горели ровно, пахли дымом и чем-то сладким.

— Я давно хотел, чтобы кто-то спустился, — сказал он однажды, когда я принёс ему горячего отвара из трав. — Не из любопытства, а чтобы остался. Одиночество — оно хуже любой твари.

— А твари тут есть? — спросил я.

— Есть, — он кивнул, помешивая в котелке. — Но они глубоко. Ниже того уровня, куда мы с тобой ходим. Там, где не горят факелы, и стены пахнут железом. Там я не был. И тебе не советую.

Я не стал спрашивать, что он там видел. Было видно — он знает больше, чем говорит.

В шахте мы нашли многое.

Старые инструменты — ржавые, но их можно было перековать. Кусок медной жилы, который Ниндзя назвал «приветом из прошлого». Он не знал, кто жил здесь до нас, но говорил, что Приют существовал всегда — просто люди забыли, как в него входить.

— Я попал сюда через сон, — сказал он мне на третий день. — Просто закрыл глаза и проснулся здесь. Сначала я думал, что сошёл с ума. Потом понял: это не безумие. Это выбор.

— Какой выбор?

— Быть там, где есть смысл.

Мы копали новые ходы, расширяли его жилище. Он называл это «шахтом» — и я не удержался, сказал, что у него целый город под землёй.

— Шахта — это не город, — усмехнулся он. — Это убежище.

Но я видел, что ему нравится, когда я говорю про город. И я начал приносить ему идеи. Мы начертили углём на стене план: где будут комнаты, где — кладовая, где — очаг.

— Ты хочешь построить подземный посёлок? — удивился Ниндзя, когда я выложил ему план.

— Ты сам сказал: здесь есть смысл, — ответил я. — Почему бы не сделать его больше?

Он долго смотрел на рисунок. Потом убрал его в угол и сказал:

— Ладно. Но сначала — нам нужен выход на поверхность. Верхний вход не подходит. Он слишком узкий и рядом с тропой, где ходят чужие.

Нам нужен другой лаз, который никто не знает.

И мы нашли его.

Через три дня работы, в восточной стене шахты — там, где камень был мягче, а земля пахла глиной — мы пробили новый ход. Он выходил к маленькой поляне, скрытой кустами и старыми берёзами. Там было тихо. Вода из родника, чистый воздух и никого рядом.

— Это будет наш вход, — сказал Ниндзя. — Когда закончим — я сделаю здесь калитку. И мы будем ходить через неё, когда захотим.

Мы стояли на поляне и молчали. Я смотрел на серое небо, Ниндзя — на ручей. И оба чувствовали одно и то же.

Мы строим свой мир. Не в игре. Не в выдумке.

В Приюте.

Прошла неделя.

Я перестал возвращаться в Край каждый день. Теперь я жил у шахты, в вырытой комнате, которую мы с Ниндзей обустроили — поставили нары, повесили шкуры вместо дверей. Старейшина, когда я зашёл за хлебом и крупой, только покачал головой:

— Уходишь в землю, значит. Понятно. Но не теряйся, Никита. Мы тебя помним.

Я был ему благодарен за эти слова. Но я уже знал: моя земля — там, где есть Ниндзя и запах угля.

На девятый день, когда мы заканчивали третью комнату, я услышал странный звук сверху.

Ритмичный, тяжёлый — чьи-то шаги по деревянному перекрытию, которое мы поставили над входом.

— Тихо, — сказал Ниндзя, и в голосе его впервые появилась тревога.

Он взял топор. Я — нож, который подарил мне кузнец в Крае.

В проёме показалась тень.

Человек. Не из Края. Одетый в чёрную, грубую кожу. На поясе — секира. Лицо закрыто повязкой, видны только глаза — холодные, злые.

— Нашёл, — сказал он. — Тот самый.

— Кто ты? — спросил Ниндзя, выходя вперёд.

— Я тот, кто забирает чужаков, — ответил он. — Этот мир не для вас. Он для нас. Уходите, пока можете.

— Мы не уйдём, — сказал я. — Мы строим здесь.

Человек в чёрном посмотрел на меня, потом на стены, на очаг, на следы нашей работы.

— Тогда вы умрёте, — сказал он и ушёл.

Мы не спали ту ночь.

Ниндзя всю ночь мастерил что-то из глины и коры, я точил нож. Мы понимали, что Приют — не только убежище. Он может стать полем боя.

Но мы остались.

Потому что когда ты нашёл дом — ты не уходишь. Ты защищаешь его.

Глава III

После той ночи мы с Ниндзей не обсуждали чёрного человека. Просто стали работать быстрее. Укрепляли вход, засыпали лишние ходы, делали запас сухой травы и дров.

Я молчал, но внутри всё кипело. Не от страха — от злости. Я не первый раз встречал тех, кто говорит: «Это место не для тебя».

Первый раз это случилось, когда я только попал в Приют.

Тогда я ничего не умел. Я бродил по лесу, голодный, без топора, без крыши. На третьи сутки я набрёл на одинокий дом на краю поляны. Там жила девушка — светлые волосы, сильные руки, спокойный взгляд. Её звали Вероника.

Она не спросила, кто я и откуда. Просто налила мне горячего отвара и положила хлеба.

— Ты новенький, — сказала она. — Я сразу вижу. Таких, как ты, приносит сон.

— Что? — не понял я.

— Ты спишь — и просыпаешься здесь. Так и я попала. Только я уже не помню, сколько лет назад.

Она научила меня тому, что я знал в первую неделю. Как отличать съедобные травы от ядовитых. Как разжечь огонь в сырую погоду. Как не замерзнуть в ночном лесу.

Мы строили дом вместе.

Небольшой, но тёплый. С печью, с крышей, с окном, в которое заглядывало серое приютское небо.

Я думал, что нашёл своё место.

Но однажды утром я проснулся — а её не было.

Ни записки, ни следов. Только холодная зола в печи и её гребень, забытый на лавке.

Я прождал её три дня. Потом пошёл искать. Никто в округе не видел Веронику. Соседи из ближайшего хутора сказали, что она ушла на север, к старым руинам — и не вернулась.

Я не знаю, жива ли она.

Но я запомнил её слова:

«Такие, как мы, не принадлежат этому миру и не принадлежат тому. Мы — между. И если мы не найдём друг друга — мы исчезнем».

Я не рассказывал эту историю Ниндзе. Не потому что боялся — просто не хотел, чтобы он думал, что я ищу замену. Но теперь, когда мы сидели у огня и перебирали сухие коренья, я понял, что молчать больше нельзя.

— Я знал одного человека здесь, — сказал я. — Она тоже была «путницей».

Ниндзя поднял глаза.

— Вероника?

Я вздрогнул.

— Откуда ты знаешь её имя?

Он отложил коренья, протянул мне кусок бересты. На нём было вырезано имя и дата. Давняя.

— Она была у меня, — сказал Ниндзя. — Несколько лет назад. Я спустился в шахту, когда она уже уходила. Она просила передать кому-нибудь, что она в порядке. Что она нашла путь дальше.

— Дальше — куда?

— Она сказала: «Есть ещё один слой Приюта, под землёй. Там можно жить. Но вход знают не все».

Он замолчал. Я смотрел на огонь.

Значит, Вероника жива. И она ушла глубже, туда, куда мы с Ниндзей только начали копать.

— Тогда мы должны найти её, — сказал я. — Не сейчас. Но когда будем готовы. Ниндзя кивнул.

— Тогда нам нужен не просто дом, Никита. Нам нужно, чтобы о нас знали. Чтобы нас не забыли, когда мы уйдём глубоко.

Я понял его.

Мы начали строить не просто убежище.

Мы начали строить то, что останется после нас.

Вход в шахту мы укрепили. Над ним — на самой высокой ветке старой берёзы — повесили деревянную табличку, которую Ниндзя вырезал ножом.

На ней было написано одно слово:

«Шахтомёт».

Я улыбнулся. Он придумал это имя ещё до того, как я сказал ему про Веронику. Значит, он верил в будущее. И я начал верить тоже.

Через два дня к нам пришёл первый посетитель.

Он стоял у входа, держал в руках самодельный лук и смотрел на табличку с уважением. Парень лет двадцати, худой, с рыжими волосами и усталыми глазами.

— Я Тихон, — сказал он. — Я слышал, вы строите убежище. Можно мне остаться? Я умею обрабатывать кожу и чинить инструменты.

Ниндзя посмотрел на меня. Я кивнул.

— Заходи, — сказал я. — У нас есть место.

Так появился наш первый житель.

Глава IV

Тихон оказался молчаливым, но надёжным.

Он не задавал лишних вопросов — просто взял в руки нож и принялся за работу. В первую же неделю он отремонтировал все наши старые лопаты, выправил ржавый топор, который я нашёл в лесу, и сшил мне новый пояс из лосиной кожи.

— Где ты так научился? — спросил я его однажды, когда мы сидели у очага.

— Отец был кожевником, — ответил он коротко. — В старом мире. А здесь — руки помнят.

Я не стал спрашивать, что за «старый мир». В Приюте у каждого была своя история, и каждый имел право не рассказывать её.

Ниндзя Тихону понравился сразу. Он сказал, что такие люди нужны — не суетливые, не болтливые, но если взялся за дело — доведут до конца.

Мы начали расширять шахту.

Тихон взял на себя обустройство мастерской — вырыл отдельную комнату, укрепил стены бревном, сделал верстак и полки для инструментов. Я же с Ниндзей занимались жилыми помещениями — выравнивали пол, углубляли проходы, прокладывали дымоходы, чтобы дым от очагов выходил наружу и не душил нас.

— У нас уже три комнаты, — заметил Ниндзя, когда мы закончили очередную.

— И коридор, — добавил я. — И кладовая.

— Это уже не шахта, — улыбнулся он. — Это почти деревня.

— Почти, — согласился я. — Но нам нужны люди.

На следующее утро я пошёл в Край.

Ниндзя не любил появляться на поверхности днём, а Тихон был занят, поэтому я отправился один.

В посёлке было спокойно. Дети бегали у колодца, старики сидели на лавках у своих домов. Я прошёл к старейшине, который всё так же строгал палку у ворот.

— Новый человек появился в Приюте, — сказал я. — Он живёт у нас, в шахте.

Старейшина поднял голову, посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты пришёл сказать мне об этом или попросить разрешения?

— И то, и другое, — честно ответил я.

Он усмехнулся.

— Ты уже не чужой в этих краях, Никита. Если люди идут к тебе — значит, они видят в тебе защиту. Я не буду тебе мешать. Но запомни: чем больше людей в одном месте, тем заметнее это место. А заметные места привлекают не только друзей.

Я кивнул и пошёл обратно.

По дороге, уже на подходе к шахте, я услышал голоса.

Ниндзя и Тихон стояли у входа, а рядом — незнакомец. Парень с широкими плечами и тяжёлыми сапогами. Он держал в руках грубый деревянный щит и выглядел так, будто привык не только работать, но и сражаться.

— Это Санс, — представил его Ниндзя. — Он шёл мимо, увидел табличку и решил спросить, не нужна ли защита.

— Защита? — я подошёл ближе.

— Я был охранником в южных поселениях, — сказал Санс. — Знаю, как обращаться с луком, мечом и топором. Умею видеть следы, слышать шаги на расстоянии. Говорят, у вас здесь непросто. Я могу помочь.

Я посмотрел на Ниндзю. Тот кивнул.

— Тебе нужна будет еда, — сказал я. — Но если ты готов работать, мы найдём, чем тебя кормить.

Санс улыбнулся — широко и чуть хитро.

— Я не привык жить даром. Работать буду.

Так в Шахтомёте появился второй житель.

Дни шли.

Мы копали, строили, чинили, запасались. Санс обходил окрестности — проверял, нет ли следов чужих, смотрел, не водятся ли в лесу хищники. Тихон делал новые вещи из старой кожи. Ниндзя следил за огнём и варил еду.

Я строил.

Новую комнату. Стену. Перекрытие. Я чувствовал, как Шахтомёт становился настоящим местом — местом, куда можно прийти и остаться.

Однажды вечером, когда мы сидели у большого костра, который развели в главной зале, Ниндзя сказал:

— Скоро здесь будет целый город.

— А ты не боишься, что Чёрные придут? — спросил Санс.

Ниндзя посмотрел на меня.

— Пусть приходят, — сказал я. — Мы встретим их.

И я знал, что это не громкие слова. Мы действительно были готовы. Насколько это вообще возможно — в мире, где нет ни автоматов, ни брони. Только руки, топоры и вера.

Но вера — она тоже оружие.

Глава V

В Шахтомёте стало тесно.

Не потому, что было мало места — а потому, что появилось слишком много вещей. Инструменты, заготовки, шкуры, сушёная рыба, мешки с крупой. Всё это лежало в общей кладовой, и каждый раз, когда нужно было что-то найти, мы перерывали пол-шахты.

— Нужен ещё один склад, — сказал Ниндзя, когда Тихон в очередной раз не нашёл нужный резак.

— Два склада, — поправил я. — Один для еды, второй для инструментов и материалов. Мы взялись за работу.

Санс помогал таскать брёвна, Тихон укреплял стены, я прокладывал новые проходы. Через три дня у нас было два просторных помещения, отделённых друг от друга плотными досками. Над каждым входом Ниндзя вырезал таблички: «Кладовая» и «Оружейная».

— Теперь у нас есть порядок, — сказал Тихон, с удовлетворением раскладывая по полкам старые и новые ножи.

— Осталось сделать то, чего нам не хватает больше всего, — сказал я.

— Чего же? — спросил Ниндзя.

— Баня.

Все переглянулись.

В Приюте люди мылись в ручьях даже зимой. Топить воду в котлах было долго и неудобно. Но я помнил, как в детстве у бабушки была настоящая русская баня — с паром, с вениками, с камнями, которые шипят, когда на них льют воду.

— Это возможно? — спросил Санс с сомнением.

— Да, — сказал я. — Нужно сложить печь из камня, сделать герметичные стены и провести дымоход наверх.

Мы начали строить через неделю.

Ниндзя и Тихон собирали камни у ручья — плоские, округлые. Санс нёс глину для обмазки. Я рыл котлован для печи.

Баня получилась небольшой, но жаркой.

Внутри мы поставили деревянные полки, сделали каменку, а рядом — бочку с холодной водой. Первое мытьё мы устроили все вместе. Никто не стеснялся — усталость и грязь были сильнее смущения.

— Теперь мы живём как люди, — сказал Санс, выходя из бани красный и довольный.

— Это только начало, — ответил я.

Санс оказался фермером.

Недалеко от Шахтомёта, на той самой поляне, где мы нашли тайный вход, он расчистил участок земли, вскопал её и посадил корнеплоды. Мы не знали, как они приживутся — но он ухаживал за ними каждый день, поливал, рыхлил, оберегал от диких животных.

— Урожай будет через две луны, — говорил он уверенно. — Если, конечно, меня не убьют до тех пор.

— Я не дам тебя убить, — ответил я.

И мы оба знали, что это не просто слова.

Однажды утром, когда мы заканчивали завтрак, у входа в шахту послышались шаги.

Санс схватил лук, Ниндзя — топор.

Но в проёме стоял не Чёрный.

Стоял парень — лет шестнадцати, не больше. Одежда на нём была рваной, лицо покрыто грязью, а глаза смотрели с таким испугом, что я сразу понял: он здесь впервые. Он не знает, как сюда попал, и не знает, что делать дальше.

— Ты кто? — спросил я, опуская нож.

— Я... я не знаю, — ответил он дрожащим голосом. — Я просто заснул дома, а проснулся здесь. В лесу. Там было темно, и я услышал шаги, я побежал, и...

Он замолчал, тяжело дыша.

— Сядь, — сказал Ниндзя, протягивая ему кружку с горячим отваром. — Пей.

Парень взял кружку обеими руками, как будто боялся, что её отнимут.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Вова, — сказал он.

— Вова, — повторил я. — Хорошо. Ты теперь здесь.

Он посмотрел на нас с недоверием. Но отвар он выпил до дна.

Мы отвели ему маленькую комнату — ту, которую вырыли ещё до прихода Тихона и Санса. Постелили сухой травы, накрыли шкурой.

— Отдыхай, — сказал Ниндзя. — Завтра начнём учиться.

— Чему? — спросил Вова, всё ещё дрожа.

— Всеми, чему мы сами научились, — ответил я.

Вова посмотрел на нас, потом на стены, потом на огонь в очаге. И я увидел, как его страх начал уходить.

Он был таким же, как мы когда-то. Растерянным. Одиноким. Потерянным.

Но теперь у него был Шахтомёт. И у него были мы.

Глава VI

Утро в Шахтомёте начиналось с огня.

Мы не знали, который час по солнечному времени — внизу не было окон. Но Ниндзя научился чувствовать утро по тому, как воздух становился прохладнее. Он просыпался первым, подкидывал дрова в очаг и ставил котёл с водой.

В этот раз он заглянул в комнату, где спал Вова, и разбудил его лёгким стуком в дверную раму.

— Вставай, — сказал он. — Первый день.

Вова открыл глаза, сначала испуганно, потом — с любопытством. Он ещё не привык к этому миру, но он уже не дрожал.

— Что нужно делать? — спросил он, садясь на шкуру.

— Сначала — завтрак. Потом — работа, — ответил Ниндзя. — Пойдём.

В главной зале уже сидели Никита и Тихон. Санса не было — он ушёл проверять окрестности и заодно посмотреть на свои посевы.

Никита пододвинул Вове миску с густой кашей из корнеплодов, добавил кусок вяленого мяса и налил отвар из листьев.

— Ешь, — сказал он. — Сегодня много дел.

— Каких? — спросил Вова, с опаской беря ложку.

— Узнаешь.

После завтрака Никита повёл Вову по Шахтомёту.

— Смотри, — сказал он, останавливаясь у первой комнаты. — Это наш склад еды. Здесь хранится всё, что мы собираем и выращиваем. Тихон отвечает за порядок на складе. Если видишь, что что-то упало или рассыпалось — поправь. Здесь нельзя разводить грязь.

Вова кивнул, стараясь запомнить.

— Дальше — склад инструментов, — Никита указал на вторую дверь. — Здесь лежат топоры, ножи, лопаты, мотыги. Санс и я ремонтируем их, когда надо. Но каждый, кто берёт инструмент, должен класть его на место.

— А если я сломаю? — спросил Вова.

— Тогда ты починишь, — сказал Никита спокойно. — Тихон научит тебя точить и скреплять.

Они пошли дальше.

— Это наша мастерская. Здесь Тихон работает с кожей и деревом. Он может сделать тебе ремень, сумку или новый черенок для топора.

— А это что? — Вова указал на тёмный проход.

— А там — баня. Но до неё мы дойдём вечером. Сначала нужно научиться основам.

Никита остановился у входа в главную залу и повернулся к Вове.

— Сейчас главное правило Шахтомёта: ты теперь часть этого места. Мы все работаем, потому что только так можно выжить. Ты не умеешь рубить и строить? Научишься. Не умеешь чинить? Тихон покажет. Боишься темноты? Ниндзя жил в ней годами и не сдался. Мы не бросим тебя.

Вова слушал, и в его глазах постепенно появлялась уверенность.

— Понял, — сказал он.

Остаток дня Вова провёл с Тихоном.

Тихон показал ему, как скоблить кожу, как затягивать ремни и как правильно держать нож.

— Не торопись, — сказал он, когда Вова порезал палец. — Руки привыкнут. Ты не в игре, где можно нажать кнопку и всё само сделается. Здесь — каждая вещь делается руками.

Вечером Санс вернулся с поля.

Он принёс свежие корни и рассказал, что поле в порядке, следов зверей нет, и, кажется, вокруг всё тихо.

— Завтра я покажу тебе, как полоть грядки, — сказал он Вове. — Это просто, но важно. Если не убрать сорняки, урожай пропадёт.

— Хорошо, — согласился Вова.

Потом они пошли в баню.

Никита натопил печь, и воздух наполнился паром и запахом трав. Вова зашёл неуверенно, зажмурился, когда Ниндзя плеснул на камни.

— Не бойся, — сказал тот. — Это не больно, это — тепло. Здесь можно отдохнуть.

Вова стоял под паром, и на лице его впервые появилось спокойствие. Он не улыбался, но страх ушёл.

Ночью, когда все легли, Вова не спал.

Он смотрел на потолок из толстых досок и думал о том, как странно устроен этот мир. Днём он не знал, где лежит левая рука. А теперь он знал, как чинить ножи, как полоть грядки и как топить баню.

— Ты как? — спросил Никита из темноты.

— Нормально, — ответил Вова. — Тут странно.

— Привыкнешь, — сказал Никита. — Мы все привыкли.

Они замолчали. И в этой тишине Шахтомёт дышал. Каждое бревно, каждый камень, каждый след от топора — всё было частью их общего труда.

И Вова начал понимать: дом — это не место. Это люди, которые вместе держат стены.

Глава VII

Приют готовился к зиме — это чувствовалось во всём: в том, как птицы улетали на юг, как трава теряла цвет, как небо становилось ниже, тяжелее, будто нависало над лесом.

В Шахтомёте мы чувствовали это раньше других. Под землёй темнело быстрее, и холод поднимался из глубины — не такой, как на поверхности, но липкий, въедливый. Сырой. Мы начали утеплять стены. Ниндзя и Тихон спускались в лес и срезали молодые ветки — их накладывали плотными рядами между брёвнами, смешивали с мхом и глиной. Когда стена высыхала, она держала тепло лучше, чем грубый камень.

— В этом году зима будет злой, — сказал Ниндзя, когда мы закончили обмазывать последний шов. — Я чувствую по воздуху. Он становится сухим и острым.

— Откуда ты знаешь? — спросил Вова, который сидел рядом и держал миску с размятой глиной.

— Я давно здесь, — ответил Ниндзя. — И я научился слушать.

Мы запасали дрова — не так, как в старом мире, где можно было купить или заказать. Здесь каждое полено мы рубили сами, сушили и складывали в отдельную, сухую нишу, которую мы вырыли за кухней.

Над каждой связкой мы ставили метку — чья работа, чтобы никто не брал чужого. Санс приносил с поля солому — ею мы устилали полы в спальнях, чтобы было теплее, и закрывали входные щели.

Тихон сшил толстые накидки из старых шкур — некрасивые, грубые, но тёплые. Одну он отдал Вова.

— Держи, — сказал он. — Будешь выходить наверх — одевай. В Приюте ветер злой, он выдувает из человека всё тепло.

Вова накинул её на плечи и впервые улыбнулся — неуверенно, но искренне.

Я смотрел на него и думал о том, как быстро люди меняются. Ещё неделю назад он ничего не умел, боялся каждого шороха. А теперь он уже знал, как держать нож, как сортировать корни и как не оставлять следов на влажной земле.

Он стал своим.

Мы не ждали, что зима придёт так быстро.

Однажды утром Никита проснулся от того, что воздух в шахте стал колким. Он вышел к главному входу, поднялся по лестнице, отодвинул заслон — и увидел, что земля покрыта тонким слоем инея.

— Первый холод, — сказал он, вернувшись в залу. — Надо утеплить главный коридор и проверить, не дует ли из верхних трещин.

Вова вызвался помочь. Он носил глину, выравнивал стены, утрамбовывал мох. Он не жаловался и не просил отдыха — просто делал.

А через два дня, когда мы закончили работу, он вдруг сказал:

— Я хочу сходить в Край.

Мы переглянулись. Ниндзя нахмурился.

— Зачем?

— Я хочу посмотреть, как там люди живут, — сказал Вова. — Узнать, может, им тоже нужна помощь. Тихон говорил, что в Крае не всё гладко.

Тихон кивнул:

— Да, старейшина жаловался — в этом году мало урожая, дров не хватает. Если мы можем помочь, почему бы не попробовать?

Я подумал. Мы и правда могли отдать часть наших запасов — сушёных грибов, корней, шкур. И если Вова хочет сам, это даже хорошо. Он уже не ребёнок, который боится темноты.

— Иди, — сказал я. — Но не один. Санс, ты не занят?

Санс отложил нож.

— Я как раз собирался проверить поле. Мне по пути. Я провожу Вову до тропы, а потом зайду за урожаем.

Мы собрали Вове мешок с припасами, надели на него тёплую накидку. Санс поправил лук за спиной.

— Если увидишь чужие следы — не иди за ними, — сказал Ниндзя. — Вернись в Шахтомёт и расскажи.

— Понял, — кивнул Вова.

Они ушли.

Вечером Санс вернулся один.

Я поднял голову от работы.

— Где Вова?

— Мы дошли до тропы, я показал ему, куда идти, и пошёл к полю, — сказал Санс. — Он сказал, что справится. Я не видел ничего странного.

Вовы не было ни через день, ни через два.

Мы ждали. Я сам ходил в Край — старейшина сказал, что Вова заходил, передал припасы, посидел с людьми и ушёл обратно к вечеру.

— Куда? — спросил я.

— Не сказал. Только улыбнулся и сказал, что теперь он знает дорогу.

Я пошёл по той тропе, которой он мог идти. Нашёл его следы — и чужие следы рядом. Следы тяжёлых сапог, которые я никогда не видел раньше. Они вели в сторону леса, где мы никогда не ходили.

На том месте, где следы Вовы обрывались, лежал обрывок его накидки. Той самой, что сшил Тихон.

Я поднял её. Она была выпачкана в тёмной, липкой земле.

— Это следы Чёрных, — сказал Ниндзя, когда я вернулся.

— Я знаю.

Никто не сказал ни слова. В Шахтомёте стало тихо и холодно.

Вова исчез. И мы знали, что он не вернётся.

Глава VIII

После того как Вова не вернулся, в Шахтомёте стало тихо.

Не той тишиной, когда все спят, а той, когда каждый боится сказать лишнее. Мы перестали смеяться по вечерам. Реже сидели у костра. Даже Санс, который всегда находил слова, чтобы подбодрить, теперь молчал, натачивая свой нож.

Работы стало больше.

С уходом Вовы пропали руки, которые помогали носить воду, таскать брёвна, месить глину. Я не сразу заметил — сначала казалось, что просто устал. Но потом я понял: мы делаем то же, что делали вчетвером, теперь втроём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.